

УДК: 316, 28:070

ОЛЬГА СУССКАЯ,

кандидат философских наук, профессор кафедры связей с общественностью, психологии и педагогики НаУКМА

Социологическая наука между Сциллой и Харибдой современного меркантилизма и научного познания

Аннотация

Одним из концептуально-методологических по своей природе теоретических выводов относительно позиций общественного мнения и его роли в демократизации общества является то, что из массива смыслов, которые сформированы социологической мыслью последних десятилетий, следует, что теория есть система обобщенного знания, которое отражает через объяснение тех или иных сторон социальной действительности определенные законы социального развития. Именно в онтологическом понимании социального факта заложена возможность охватить как различные процессы, так и отношения, вещи и структуры. Диалектический подход требует учета зависимости факта от теории. При этом нельзя забывать об определенной относительности такой зависимости, потому что факт является также детерминируемым объективной реальностью. Современная социология должна обеспечить такой уровень теоретического обоснования, чтобы исполнять в обществе не только консультативную, но и конструктивную функцию.

Ключевые слова: *современная социология, теоретические выводы, онтологическое понимание, диалектический подход, конструктивная функция*

Социологическая наука в Украине входит в новый этап — перехода от констатации и подсчета рейтингов — к настоящему объяснению закономерностей существования и развития общества. Современная социология вплотную приблизилась к признанию потребностей самого общества, его отдельных социальных групп и сообществ, деятельность которых происходит в определенных областях социального бытия. Профессиональный багаж социологов отнюдь не страдает от дефицита информации, скорее — от дефицита системы.

Особенно заметно влияние гиперразнообразия и избыточности направлений, иногда трудно сочетаемых между собой подходов, категорий, взглядов и методов в специальной и отраслевой социологии. Каждая из разнообразных концепций выглядит достаточно убедительно, каждый метод вроде бы работает, за каждым теоретическим подходом стоят имена мировых авторитетов, в детализации и дискретности направлений скрыты возможности дальнейшей углубленной отраслевой специализации.

Социологу, который планирует свою дальнейшую деятельность и профессиональную судьбу, то есть зарабатывает свои профессиональные позиции, иногда достаточно трудно сделать выбор в ситуации, когда уже нет острой потребности в получении новых знаний, а встает вопрос осознания и приведения в систему знаний уже накопленных, определения своего отношения к разным школам и своей позиции относительно “магической” убедительности тех существующих теорий, которые считаются константами.

Но невзирая ни на что, выразить свои точки зрения и позиции относительно предметов и фактов социальной действительности и убедить в них научное сообщество становится все тяжелее. Систематизация накопленных знаний, зафиксированная преимущественно в диссертациях разного уровня и направленности, остается лежать на полках библиотек, а поступь социологической науки в мейнстриме научного прогресса от этого не ускоряется.

Одна из причин такой ситуации состоит в том, что мы учим накапливать знания, но практически не побуждаем к наработке осознанной собственной системы профессиональных взглядов, своего профессионального мировоззрения. Причем это не является проблемой лишь молодых ученых. Многие социологи-профессионалы избирают щедрое поле поллстеризма именно потому, что среди красиво сделанной эмпирики не надо “разыскивать” и “выстраивать” какие-либо теоретические концепции, делать какие-либо выводы, кроме собственно эмпирических: результаты достигнуты, и они говорят сами за себя. Электоральная социология, превратившаяся в последнее время в “сезонные работы”, является тому ярким подтверждением. “По-разному понимают поллстеры и социологи (хотя и не все) содержание понятия “общественное мнение” в атрибутивном смысле. Истоки этих отличий — неодинаковые концепция общества и содержание понятия “общественное мнение” [Оссовский, 1999: с. 1, 7–8].

Действительно, чтобы не свести все содержание исследования к “реакции бумаги на карандаш”, надо приложить усилия не только в плане соблюдения методики и технологии проведения исследований, но и наработать собственную концептуальную позицию относительно цели и реализации задач исследования. Так, например, мы до сих пор не уверены, на самом ли деле “мотором” антикоммунистических и антисоциалистических революционных трансформаций в Восточной Европе оказалось “массовое стремление к модернизации, которое формулировалось как желание жить “как на Западе”” [Шкаратан, Ильин, 2006: с. 263]; действительно ли, как справедливо считает О.Иващенко, материально-финансовая дерзость постсоветских “виннеров” ментально восходит именно ко временам тотального дефицита: “...уже сегодня провоцируя у рядовых украинцев ту же зависть, которая в новейший период оказалась одним из побуждений достижения “новыми украинцами” любой ценой желаемого материального положения, о котором

мечталось, но которое было не доступно для подавляющего большинства в советское время” [Иващенко, 2010: с. 49].

Напрашивается аналогия с той ситуацией, которая сложилась в отечественной социологической науке в течение последних двух десятилетий и ощутимая для каждого современного социолога. Не обязаны ли мы распространением “свежевыпеченных” полстерских центров и служб, которые называют себя научными, именно подобными “постдефицитными” тенденциями, уловленными еще Т.Заславской, считавшей уничтожение тотального дефицита одним из наиболее значимых последствий распада советской системы. Однако не переходим ли мы от одного дефицита к другому: от дефицита товаров к дефициту мыслей, в частности основательных научных теорий и концепций, не только объясняющих социальные факты, но и указывающих направление — к выходу из кризиса, к воплощению и — что не менее важно — осознанию необходимости конкретных реформ, к оптимизации социальных институтов и взаимодействию между ними и т.д.

Похоже, мы не заметили, как некоторые социальные институты, например система средств массовой коммуникации, постепенно сменила роль “указующего и направляющего” пропагандистского института тоталитарного государства на роль прислуги богатых хозяев, роль публициста и трибуна — на роль “Чего изволите?”. Как актуально звучат сегодня мысли В.Оссовского, который, характеризуя публичную жизнь советских времен, писал: “...“в официальный семантический код” была вмонтирована символика обязательной поддержки существующих властных структур, которая — пока центр господствовал над правом и имел достаточно сил — успешно выполняла функцию поддержки существующей общественной системы” [Оссовский, 1999: с. 35].

Целесообразно задать риторический вопрос: не способствует ли сегодня пассивность теоретической социологической мысли выработке современного семантического кода “обязательной поддержки”? Ведь к функциям теоретической социологии всегда относилась и функция определения *типа и характера развития общества* на определенном этапе его существования. Дает ли сегодня социология обобщенный вывод в ответ на традиционный вопрос “верным ли путем идет Украина?” или перекладывает ответ на этот вопрос сугубо на своих респондентов?

Напомню, как выглядят ответы на вопрос: “Можно ли назвать современное общество, в котором Вы живете, справедливым?” По результатам последних мониторингов, 81,0% считают его крайне несправедливым или просто несправедливым; 17,4% дают нейтральную оценку и только 1,6% считают наше общество справедливым. “Подтверждают эти данные и ответы на вопрос, смогут ли рядовые люди через десять лет влиять на разные стороны общественной жизни? Большинство (69%) не видят в будущем радужных перспектив и отвечают, что “маленький человек” не сможет ни на что влиять, 31% настроены более оптимистично...” [Шульга, 2009: с. 85]. Лишь Е.Головахой было проанализировано теоретико-смысловое значение показателей социального оптимизма в рамках их динамики начиная с 2000 года, когда украинцы оценивали перспективу развития человечества и своей страны на новый век. Соотношения реализованных надежд и разочарований всегда является одним из ключевых показателей уровня социальной адаптации, готовности людей к новым условиям, тем более, что зафиксированное социологами пре-

обладание разочарований в основных сферах жизни общества “означает массовое отчуждение: восприятие государства и общества как чуждой и во многом враждебной среды жизнедеятельности”, — подчеркивает Е. Головаха. И делает вывод: “По моему мнению, социальная база протеста против действий власти в условиях экономического кризиса есть” [Головаха, 2009: с. 17–18].

К чему же может привести снижение показателей социального оптимизма: к участию в разных формах протеста, к возобновлению готовности отдать государство “в сильные руки”? Кстати, ожидание и желание “твердой руки” со стороны населения также измерялось социологами на протяжении предыдущих лет.

Сегодня же мы все чаще пытаемся рассматривать ситуацию в определенных рамках, в частности вслед за И. Гоффманом признаем, что действия человека как члена общества в большей мере определяются “механическим соответствием правилам”, чем активным, образующим и осознанным началом; “базовыми рамками понимания, которые используются в нашем обществе для того, чтобы предать событиям смысл”, — пишет он на десятой странице “Анализа фреймов”, а на первой адресует свой упрек всему тогдашнему социологическому сообществу: “Мир не является сценой: очевидно, театр не может быть везде” [Goffman, 1974: p. 1].

Действительно, фреймы как принципы организации, которые определяют наш повседневный опыт, являются лишь нашими представлениями о том, что мы видим в социальной реальности, это своеобразные схемы интерпретации, которые дают нам возможность воспринимать, размещать, различать и определять, а в целом — осознавать те события, которые происходят в нашей личной жизни и в мире. Но мысль, что без фреймов окружающий мир был бы лишь неблагоустроенным набором индивидуально значимых, но не связанных между собой событий и фактов, видимо, выглядит устаревшей. В то же время, если понимать фрейм как совокупность элементов определенной ситуации, которые в целом представляют собой систему, то такое понимание приближает понятие фреймов к термину “структуры”.

“Подталкивание” населения к определенным типичным поведенческим проявлениям, имеющим характер повторяемости и временной активности, всегда определялось как пропагандистское воздействие, или же пропагандистское влияние. Теперь о нем говорят открыто лишь относительно электоральных кампаний, но то же происходит и во время рекламных и PR-кампаний, и даже некоторых социальных акций. Где заканчивается поощрение, например, к вступлению в ряды волонтеров социальных служб, и где начинается пропаганда, например, против СПИД? А если вместо социальных акций мы представим себе другие, политически направленные?

Популярность теории фреймов именно применительно к сфере массового социального влияния вполне понятна, ведь объяснений сущности воздействия средств массовой коммуникации на массовое сознание и общественное мнение так же много, как и случаев применения этого воздействия.

В последнее время отношение к конструкту “общественное мнение” существенно меняется, но отвечает ли это реалиям? Должна заметить, что слухи об обветшалости понятия “общественное мнение” несколько преувеличены. Особенно это касается общества, которое все еще не оставляет надежд пополнить круг европейских демократий и стать полноценным членом ЕС.

Неопровержим и тот факт, что основную роль в формировании общественного мнения вот уже свыше 50 лет (как только масштабы его воздействия приобрели социальную значимость) играют средства массовой коммуникации. Социологические исследования удостоверяют, что бурные нововведения в средствах массовой коммуникации, осуществляемые благодаря достижениям научно-технического прогресса, существенно видоизменяют их природу, расширяют их функции в следующих направлениях: 1) децентрализация (выбор программ все больше зависит от индивида); 2) увеличение объема информационных программ; 3) возможность интерактивности (взаимодействия посредством обратной связи для обмена информацией) [Конецкая, 1997: с. 202].

Отмечу, что расширению интерактивности способствуют все три инновационных тенденции в средствах массовой коммуникации. Ведь возможность более широкого индивидуального выбора программ, отслеживания поведения аудитории организаторами радио- и телепередач способствует обратной связи, предоставляет новые формы обмена информацией (например, через Интернет-блоги) — то есть новые формы коммуникации. Следовательно, появление в современных средствах массовой коммуникации новых возможностей для интерактивности ее потребителей все в большей степени создает условия для приобретения массовой информацией характера массовой коммуникации.

Отстаивание социофункциональных моделей создания интерпретации (понимания) и осознания содержания массовой коммуникации — как со стороны субъекта продуцирования этого текста, так и со стороны реципиента знаковой информации — означает активность аудитории, ее включенность в процесс восприятия продукции СМК, а адресность влияния на аудиторию со стороны совокупного коммуникатора — двусторонний целенаправленный процесс взаимодействия в массовых коммуникативных системах.

Именно отслеживая процедуры выполнения функции социального контроля общественным мнением, мы находим много общего между системой независимых средств массовой коммуникации и институционализированным общественным мнением, то есть “четвертой властью”. Как полагал один из основателей социологии общественного мнения периода горбачевской перестройки Ю. Левада: “Формирование общественного мнения — это один из признаков распада тоталитарного общества и характерных для него идеологических форм, а также соответствующих типов массового сознания и массовой психологии (комплекса стадности, фобии, “образа врага” и др.). И тем самым — есть важнейшим компонентом становления гражданского общества” [Левада, 1998: с. 5–6].

Исходя из понимания, что с социологической точки зрения, согласно которой общественное мнение — это определенный социальный субъект, осуществляющий функции социального контроля, можно констатировать, что эта функция полноценно реализуется лишь в обществах развитой демократии, где общественность институционализирована в определенных формах социальных организаций (типа “общественного телерадиовещания” и т.п.) и имеет возможность осуществлять социальный контроль как по вертикали (за властными структурами), так и по горизонтали (за самими членами субъекта общественного мнения). В стабильном обществе развитой демократии институционализированное и реально существующее как со-

циальный рычаг общественное мнение сосредотачивает внимание на механизмах поддержки достаточного уровня согласия внутри общества, особенно относительно его ценностей и целей. Трудно не согласиться с Э.Ноэль-Нойман, что “общественное мнение — это согласие между представителями одного человеческого сообщества относительно вопроса, который имеет важное эмоциональное или ценностное значение, которое должны уважать и индивид, и правительство перед лицом угрозы быть пренебрегаемым или свергнутым” [Ноэль-Нойман, 1999: с. 253].

Таким образом, между социологами и поллстерами с необходимостью возникает отличие в интерпретации именно атрибутивного содержания понятия “общественное мнение”. Если поллстеры видят в нем лишь определенное состояние общественного сознания, то для социологов-ученых, как отмечалось выше, общественное мнение — это действительно реальный социальный субъект, который осуществляет функции социального контроля. “Главное, что отличает социологическое исследование общественного мнения от поллинга в методологической плоскости, — это рассмотрение этого феномена сквозь призму так называемого социологического воображения” [Оссовский, 2005: с. 17]. В соответствии с мнением Чарльза Райта Миллза [Миллз, 1999: с. 15], социологическое воображение может служить не столько социологической картой, сколько “светом в конце туннеля”, то есть указателем социологического видения, особенно в процессе исследований общественного мнения как настоящего социологического феномена.

Один из концептуально-методологических по своей природе теоретических выводов относительно позиций общественного мнения и его роли в демократизации общества состоит в том, что из массива смыслов, сформированных социологической мыслью последних десятилетий, следует, что *теория есть система обобщенного знания*, которое отражает посредством объяснения тех или иных сторон социальной действительности определенные законы социального развития. Именно в онтологическом понимании социального факта заложена возможность постичь как различные процессы, так и отношения, вещи и структуры. Диалектический подход требует учитывать зависимость факта от теории, которая, соответственно, формирует его теоретическую основу. Но при этом нельзя забывать об определенной относительности такой зависимости, потому что факт является также детерминированным объективной реальностью. Логико-гносеологическое понимание социального факта охватывает наряду с фактологическими признаками деятельности субъектов социума (что важно и в интерперсональном, и в социально ориентированном общении в условиях массовой коммуникации) и связанные с ними мотивы, навыки, стиль мышления, память, диспозиции, уровень сознания (массовый или индивидуальный) и т.д.

Методологические подходы к определению механизмов придания социальным фактам определенного содержания отражает система категорий научного анализа. Соответственно, социальный факт можно определить как данное разнообразие образов, понятий, ощущений и переживаний, которые вызывают рефлексию субъекта относительно явлений и событий социальной действительности в ее непрерывном воспроизводстве (например, в процессе информационного обмена или в другом более широком и значительном пространственно-временном континууме). Итак, содержание и форма социального факта определяются уровнем развития цивилизации,

способами транслирования ею определенных образцов и традиций культуры, уровнем знаний и интеллектуального развития индивидов — субъектов коммуникативного действия. Показателем и одновременно критерием этого развития является познавательная парадигма, которая обращает нас к выводу В.Ядова [Ядов, 2003: с. 43–44] о том, что в современной социологии социальными фактами принято считать:

- а) совокупные, систематизированные характеристики массового поведения;
- б) совокупные, систематизированные характеристики массового сознания — мнений, оценок, суждений, верований и др.;
- в) совокупные, обобщенные характеристики продуктов человеческой деятельности — материальной и духовной.

Выполняя функции изучения закономерностей функционирования и развития общества, социология как наука в целом и в отдельных ее отраслях будто бы заново определяет, то есть (по выражению И.Поповой) “переопределяет” общество [Попова, 2000]. Философы еще вначале XX столетия определяли будущее место и значение социологической теории, без которой социология так и оставалась бы исследовательницей “пограничных сфер”. “Поскольку в так называемой “социологической” литературе мы встречаем действительно ценные и плодотворные исследования, они касаются обычно сфер, пограничных между отдельными областями общественной жизни и потому не улавливаемых традиционными социальными общественными науками” [Франк, 1992: с. 20].

Признавая, что научным исследованиям общества предшествовала повседневная картина бытия “как оно есть”, мы акцентируем то, что все процессы, которые протекают в пространстве бытия значений, которым является “семиосфера” (Ю.Лотман), а также все коммуникативные процессы и процедуры их изучения отсылают нас к процессуальному подходу, который (наряду с формулировкой основных принципиальных положений и операционализацией аппаратных понятий) создает путь, определяемый как методологическая стратегия научного исследования.

Если онтологический подход выводит нас к обобщенным проблемам бытия: соотношение мира мнимого — “гиперреальности” — и реального; повседневного — как динамической системы потребностей — и уникального, неповторимого; аутентичного и общего, типичного для большинства, то процессуальный подход реализует базовый методологический принцип — изучать явления и процессы действительности в полноте и разнообразии их проявлений, в последовательном рассмотрении их взаимосвязей и динамике изменений, детерминируя как их устойчивые, так и переменные признаки и свойства.

Артикулируя возможность реализовать параллельно два весомых общетеоретических методологических подхода, а именно: онтологический и процессуальный, мы фактически демонстрируем использование полипарадигмальности социологии как теоретической науки [Ядов, 2003: с. 479].

Общенаучные принципы теоретического исследования как атрибут, а значит, как основа и необходимая предпосылка социологического исследования позволяют ученым в рамках поставленных целей и задач исследования не сосредоточиваться лишь на расширении знания субъекта об объекте, ведь известно, что одного объяснения общеметодологической процедуры

фиксации познавательных характеристик объекта, при которой с необходимостью фиксируется уровень “не-знания” субъекта, явно недостаточно. Именно в результате такой процедуры становится возможным определение степени новизны, то есть выяснение, какого уровня и какой именно информации об объекте не хватало либо этот уровень и эта информация были недоступны. Так, например, еще в конце 1990-х был артикулирован факт отделения гражданского общества от политической сферы, что Н.Костенко определила как одну из наиболее заметных “эмансипационных интенций” западного общества в пределах практически двух последних веков [Медиа в выборах, 1999: с. 20]. При этом следует подчеркнуть, что гражданское общество, согласно мысли Ч.Тейлора, вообще существует в двух формах, таких как рыночная экономика и публичная сфера [Taylor, 1995]. Можем ли мы сегодня радостно признать, что на двадцатом году независимости наконец получили независимую публичную сферу? Объективно — нет. В рамках субъект-субъектных отношений еще можно частично сказать, что определенные намеки на это существуют, хотя сторонники теории социальных трансформаций начала 1990-х смело прогнозировали вероятность ее (независимой публичной сферы) формирования в Украине. Потребность в социальной теории общегосударственного масштаба ощутима и до настоящего времени, но ни собственных Бжезинских, ни теоретиков типа Петра Штомпки или Ежи Вятра, мы пока что не имеем. Социальная реальность представляет собой, по мнению П.Штомпки, “межиндивидуальную” (межличностную) реальность, в которой существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной привязанности и т.п. Это межличностное поле реальных связей находится в постоянном движении, ему присуща динамичность, оно расширяется и сужается, усиливается, ослабляется. Для отображения многомерности межличностного поля также вводится термин “социокультурное поле”. В этом поле П.Штомпка выделяет четыре уровня: 1) артикуляции, легитимизации или переформулирования идей, возникновения и исчезновения идеологий, доктрин и теорий; 2) институционализации, пересмотра норм, ценностей, правил или отказа от них; 3) выработки, дифференциации и переформирования каналов взаимодействия; 4) кристаллизации, утверждения и перегруппировки возможностей, интересов, жизненных перспектив и статусов [Штомпка, 1996: с. 27–30].

Социология знания и социология науки демонстрируют нам общее понимание понятия научного закона: всякий научный закон дает описание не эмпирических, а идеальных процессов и зависимостей (закономерностей), которые совпадают с фактически наблюдаемыми лишь при наличии определенных условий. Понятно, что и научное понятие является максимально точным и адекватным лишь в заданном категориальном контексте. Следовательно, построение настоящего гражданского общества возможно лишь в случае соблюдения определенных условий и наличии демократических принципов, которые государство защищает, выполняя тем самым обязательства перед членами социума.

Известное противопоставление государства и гражданского общества как противоположных сфер жизнедеятельности людей на сегодняшний день кажется достаточно идеализированным толкованием применительно к вероятности установления принципов гражданского общества, по крайней мере в стране, переживающей глубокий системный кризис. По моему

мнению, намного более плодотворной, чем идеализация попыток установления отношений, характерных для гражданского общества, является идея Фердинанда Тенниса о гражданском обществе, как “обществе обмена”. Соглашаясь, что общественное мнение представляет собой специфическое проявление общественного сознания, со своей определенной структурой и формами его выражения, хочу подчеркнуть, что уже тогда обозначился как один из самых сложных вопросов о связи общественного мнения и науки. Здесь уместно напомнить справедливость гегелевского высказывания, что интеллект пытается лишь охватить мир таким, каким он есть, воля же, напротив, стремится к тому, чтобы сделать мир тем, чем он должен быть. Аналогично — общественное сознание не исчерпывается общественным мнением, тем более, что оно является одной из форм проявления субъективного интереса. Безусловно, интерес в сознании определенного актора (в нашем случае — участника коммуникативного взаимодействия в медиа-пространстве) может существовать и вне пределов общественного мнения, но само общественное мнение будет всегда отражением определенных интересов (групповых, индивидуальных; направленных на объективизацию или идеализацию действительности, социальное самоутверждение или выборочную самореализацию).

Все упомянутое выше предопределяет степень отображения в общественном сознании такой картины мира, которая на синхронном уровне может признаваться объективной. Если определить эту синхронную картину мира как социальную реальность, то на индивидуальном (субъективном) уровне мы получим такой конструкт, как жизненный мир личности, который сегодня уже не может быть отмежеванным, оторванным от науки и культуры в целом.

Кроме осуществления комплексного подхода к изучению проблем воссоздания и репрезентации таких “пограничных сфер”, каковыми являются жизненный мир личности и отражение в массовом сознании реальных социальных отношений (в том числе политических), мы стремимся выявить общее и особенное в поле смежных понятий, таких как массовое сознание, общественное сознание и общественное мнение. Исходя из понятийного аппарата социальной философии, мы должны признать, что “общественное сознание” является конструктом более объемным, чем массовое сознание, которое можно признать определенной разновидностью или же сектором общественного сознания. Как известно, в качестве носителя общественного сознания, безусловно, выступает субъект общественной деятельности; не только отдельный индивид, личность, но и социальная группа, класс, общество в целом.

Если задуматься над тем, какое именно влияние оказывают субъекты общественного мнения на властные структуры, то в первую очередь необходимо установить, для какого типа обществ это актуально. Учитывая довольно низкий уровень непосредственного участия в общественных движениях и организациях населения Украины и очень высокий уровень недоверия к властным структурам, можно констатировать, что речь идет о нестабильных обществах переходного периода, ведь “до нас никто не имел опыта выхода из кризиса посткоммунистических обществ. Был опыт выхода из кризиса лишь посттоталитарных обществ, в которых, в отличие от нас, были искажены все сферы, но не была разрушена экономика” [Головаха, 2001: с. 128]. Таким образом, наиболее вероятно формирование общественного мнения именно че-

рез систему средств массовой коммуникации, а выяснение сущности и содержания репрезентаций общества в сознании индивида возможно преимущественно через проведение социологических исследований массового характера, поскольку именно они способны установить ту самую “обратную связь”, о которой достаточно часто вспоминают и журналисты, и правительственные чиновники. Вспомним еще раз одну из самых выдающихся фигур эмпирической социологии — Ю.Леваду, который поднимал вопросы социологической теории практически в течение всей своей научной жизни — от лекций по социологии до последней прижизненной публикации, где указывал на ошибочность представления о том, что достижение определенного уровня благосостояния способно автоматически изменить интересы и привести к сдвигу ценностей большинства граждан постсоветских республик. Эти ценности являются ценностями современной цивилизации, а свободы и права человека “вращиваются” на почве культурных традиций и, закрепляясь, служат необходимым фундаментом экономического роста и социального развития [Левада, 2006: с. 12–18]. Вполне понятно, что современное украинское общество далеко от модернизации, и в то же время, увлеченно теоретизируя в рамках “постмодерной перспективы”, забываем о необходимости разработки собственной “внемодерной” теории общества, которое страдает не только от кризиса, но и от нехватки интеллектуального социологического ресурса, призванного дать ответ на вопрос, верным ли путем идет Украина и есть ли это тот самый путь выхода из кризиса.

Сегодня уже ясно, что “модерные” рецепты постмодерных западных обществ не срабатывают. Остается спросить самих себя, не создаем ли мы своими усилиями (иногда осознанно, иногда нет) такие “фреймы”, которые позволяют нам оставаться в рамках “удобной” теории, мало что объясняющей, однако позволяющей нам спокойно “почивать на лаврах”. А в то же время события общественной жизни и сам ход общественного развития приобретают характер непредсказуемых поворотов, которые могут стать роковыми и необратимыми...

Источники

Головаха Є. Соціальні наслідки економічної кризи // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 14–21.

Головаха Е.И. Социологическая публицистика / Головаха Е.И. — К. : ИС НАНУ, 2001. — 226 с.

Іващенко О. Про анатомію економічної нерівності в сучасній Україні: соціологічні досліді / О. Іващенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 29–56.

Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П.Конецкая. — М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. — 304 с.

Левада Ю. Людина, натовп та маса в громадській думці / Ю. Левада // Соціологія : теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 2. — С. 80–92.

Левада Ю. Человек недовольный? / Ю. Левада // Вестник общественного мнения. — 2006. — № 5. — С. 12–18.

Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Миллс Ч.Р.; пер. с англ. О.А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. — М. : Стратегия, 1998. — 264 с.

Медиа в выборах: между политикой и культурой (контент-анализ политической прессы) / под ред. Н. Костенко. — К. : ИС НАНУ, 1999. — 218 с.

- Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Ноэль-Нойман Э. — М. : Республика, 1999.
- Оссовський В.Л.* Громадська думка: спроба соціологічної інтерпретації / Оссовський В.Л. — К. : ІС НАНУ, 1999. — 137 с.
- Оссовський В.Л.* Соціологія громадської думки / Оссовський В.Л. — К. : Фоліант ; Стилос, 2005. — 186 с.
- Попова І.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают / Попова І.М. — К. : ІС НАНУ, 2000. — 219 с.
- Франк С.Л.* Духовные основы общества / Франк С.Л. — М. : Республика, 1992. — 511 с. — (Мыслители XX в.).
- Штомпка П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
- Шкаратан О.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин. — М. : ГУ ВШЭ, 2006. — 472 с.
- Шульга О.* Оцінні домінанти масової свідомості в Україні // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2009. — С. 85–91.
- Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / Ядов В.А. — М. : Академкнига ; Добросвет, 2003. — 596 с.
- Goffman E.* Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience / Goffman E. — N.Y. : Harper Colophon, 1974.
- Taylor Ch.* Liberal Politics and the Public Sphere / Taylor Ch. // Philosophical Arguments. — Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press : 1995. — P. 257–287.